

# Разгром Бухарского эмирата в 1920 году

В. Л. Генис

13 июня 1920 г. предсовнаркома РСФСР В. И. Ленин ознакомился с копией отчета, присланного ему бывшим заведующим Отдела внешних сношений Комиссии ВЦИК и Совнаркома по делам Туркестана (Турккомиссии) Г. И. Бройдо, а 23 июля — с докладной запиской бывшего полпреда РСФСР в Бухарском эмирате А. Е. Аксельрода. Апеллируя к Москве, оба они высказывали ряд взаимных претензий, но, расходясь в своих выводах в частности, были согласны в главном.

«Много раз можно было слышать от наших военно-политических работников,— писал Бройдо,— что нужно 2—3 полка, чтобы от Бухары камня на камне не осталось. Это не так. Я считаю, что в военном отношении разбить армию было бы нетрудно, но это создаст положение затяжной войны, в которой Красная Армия окажется не освободителем, а угнетателем, а бухарская партизанщина будет выступать как защитница независимости Бухары. Реакция использует это положение. Бухара будет превращена в гибельный затяжной фронт, требующий значительной и постоянной оккупационной армии. Это будет осложненная Хива гораздо больших размеров»<sup>1</sup>.

Аксельрод также протестовал против тогда уже наметившейся тенденции к проведению Турккомиссией агрессивной политики в отношении эмирской Бухары, против «бряцания оружием, сугубо поддерживаемого военным ведомством»: «Мы не можем позволить себе такой роскоши, как новый фронт, в особенности на кратере непотухшего вулкана, как Средняя Азия. Наши агрессивные действия, как война, так и насильственный произведенный нашими войсками переворот, сплотят не только бухарское мусульманство, но и туркестанское, хивинское и туркменское вокруг духовенства. Довольно нам непрекращающегося ферганского фронта и новой хивинской авантюры. Разгромить бухарскую армию очень легко, но справиться с двух с половиной миллионным населением, находящимся частью в горах, будет совершенно невозможно. Нам придется иметь в Бухаре на продолжительное время оккупационную армию. Ничтожное революционное движение, и без того непопулярное в настоящее время в фанатичной народной массе, будет совсем скомпрометировано, и надолго, в особенности при нашем официальном участии в перевороте»<sup>2</sup>.

Еще в 1868 г., проиграв войну с Россией, Бухарский эмират потерял не только плодородную долину р. Зеравшан, но и свою независимость.

---

*Генис Владимир Леонидович* --- литератор.

Присоединив эмират на правах вассального государства, Российская империя не вмешивалась в его внутренние дела, заботясь, по словам русского агента в Бухаре, «исключительно об обеспечении за собой бухарского рынка и политических и стратегических задач на случай осложнения в Средней Азии»<sup>3</sup>. Эмират охватывал обширные территории современных Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана: более половины его населения составляли узбеки, 32% — таджики, 10% — туркмены. Жили там также каракалпаки, казахи, арабы, иранцы, евреи, представители других народов, в том числе свыше 60 тыс. русских. Наиболее крупными из возникших в эмирате русских поселений являлись Новая Бухара со станцией Каган Средне-Азиатской железной дороги (перед революцией — 12 тыс. жителей), Чарджуй (14 тыс.) и Керки (8 тыс.). В русских поселениях располагались пограничные войска империи, а эмир имел собственную армию сарбазов (более 10 тыс. человек).

Бухара, которую на Востоке называли «священной», «благородной», «светочем ислама», была крупнейшим мусульманским центром. «В нее, — сообщал советский полпред, — стекаются со всего мира юноши для получения богословского образования. Среди них вы найдете турок, индусов, китайцев и наших казанских и оренбургских татар. В столице Бухарского ханства около 500 мечетей и 150 мусульманских высших школ, насчитывающих около 20 000 учеников, готовящихся к духовному званию. Эмир Бухарский, возглавлявший ханство, после турецкого султана — единственный прямой наследник Магомета, а потому должен унаследовать халифат»<sup>4</sup>. Ведущую роль в жизни Бухары играло мусульманское духовенство, оказывавшее громадное влияние на эмирское правительство и в подавляющем большинстве выступавшее против любых реформ. Именно поэтому демократическое движение в эмирате началось с борьбы за введение европейской системы образования и создание «новометодных школ», которую вели представители прогрессивной интеллигенции и нарождавшейся национальной буржуазии — джадида.

После закрытия «новометодных школ» джадида (позднее они назывались «младобухарцами» в подражание младотуркам) организовали тайное общество, которое просуществовало до Февральской революции и объединяло всех, кто выступал за реформы. Попытка Временного правительства России ввести в Бухаре либеральные порядки, объявленные в апреле 1917 г. манифестом эмира, встретила резкое противодействие со стороны консервативных слоев духовенства, а демонстрация прогрессистов в поддержку манифеста вызвала контрдемонстрацию религиозных фанатиков. Эмир отменил манифест и многие младобухарцы, обвиненные в отступничестве от веры и шариата, были подвергнуты жестоким истязаниям.

Хотя после Октябрьской революции независимость Бухары была признана Совнаркомом Туркестана, установление советской власти в русских поселениях и революционная деятельность младобухарцев не могли не беспокоить эмира. Тревога эта еще более усилилась после разгрома красногвардейцами провозглашенной IV Чрезвычайным мусульманским съездом Туркестана в ноябре 1917 г. так называемой Кокандской автономии, правительство которой выступало за отделение края от России. В ходе вооруженной борьбы между автономистским правительством и местным Советом штурм мусульманской части Коканда, подвергшейся артиллерийскому обстрелу, сопровождался насилиями и бесчинствами. «В старом городе, — писала газета «Новый Туркестан», — были разграблены все магазины, торговые фирмы и торговые ряды, банки и частные более или менее приличные квартиры». Как отмечал член Туркбюро ЦК РКП(б) Г. И. Сафаров, «Кокандская автономия была ликвидирована, но, вместе с тем, была подготовлена почва для басмачества». Он же подчеркивал, что для многих гражданская война стала приманкой из-за возможности легкой наживы, и, как признавался один из современников, «всякий наш поход на басмачей сопровождался обычно убийствами и грабежами мирного населения»<sup>5</sup>.

«Опьяненный Кокандской победой Колесов (председатель Совнаркома

Туркестана.— В. Г.),— вспоминал лидер младобухарцев Ф. У. Ходжаев,— думал с той же легкостью ликвидировать и эмирскую Бухару»<sup>6</sup>. Этому убеждению следовали и бухарские революционеры, уверявшие, что готовы к восстанию против эмирского режима с участием около 30 тыс. человек, но сумевшие набрать в свою дружину не более 200 повстанцев. Несмотря на успех наступления красногвардейцев, обусловленный наличием у них артиллерии, и принятие эмиром ультиматума о передаче власти младобухарцам, вскоре победители и побежденные поменялись местами. Ф. И. Колесов по просьбе эмира отвел свои войска в Каган, но члены советской делегации, отправившейся в Старую Бухару для контроля над разоружением эмирской армии, были убиты, и местные власти с помощью духовенства сумели поднять население на борьбу с «неверными». «Пришедшие в Бухару русские солдаты и красногвардейцы,— пояснял Сафаров,— занялись прежде всего самыми возмутительными грабежами и насилиями. Грабили все и всех без разбора, безобразничали, пьянствовали и творили насилия без конца. Именно этим объясняется огромный взрыв возмущения по поводу вторжения русских... «Революционная» подоплека совершенно отошла на задний план перед колонизаторскими аппетитами»<sup>7</sup>.

После того как за полдня бухарцы разобрали железнодорожное полотно, и красногвардейцы оказались отрезанными от Самарканда и Чарджуя, эмир бросил на «колесовцев» толпы безоружных, охваченных религиозным экстазом. «Ну пулеметы,— вспоминал Колесов,— лезли с кинжалами в зубах разъяренные бородатые фигуры, лезли и падали. Сзади лезли еще. Тоже падали. Перед пулеметом выростала груда живых и мертвых тел»<sup>8</sup>. Хотя атака и была отбита, но боеприпасы иссякли, и отряду Колесова, обремененному тысячами беженцев, пришлось отступить в сторону Ташкента. После этого в Бухаре началась резня, с поголовным избиением инакомыслящих. «Толпа,— писал Ходжаев,— начала громить поселки мелких станций и убивать всех иноверцев, даже десятки лет живших в Бухаре».

Результатом этой попытки Колесова и младобухарцев принести в эмират революцию на штыках Красной гвардии стали «более 10 000 человеческих жертв с нашей и бухарской стороны, разрушение всех гражданских сооружений по Средне-Азиатской железной дороге, проходящей через Бухарское ханство, полное разрушение Бухарской железной дороги по линии Каган — Термез на протяжении 750 верст и Каган — Китаб на протяжении 350 верст, разрушение гражданских сооружений по почтовому тракту Самарканд — Термез, усиление ненависти к неверным и установление наикрайне реакционного состава правительства»<sup>9</sup>. Колесовская авантюра способствовала организации эмирской армии. «Ожидание российского вторжения,— отмечал Бройдо,— и необходимость готовиться к отпору было основным лозунгом, с помощью коего тушилось революционное движение, закреплялась власть эмира, увеличивалось влияние духовенства и становилась все устойчивее английская ориентация»<sup>10</sup>.

По мере упрочения военного положения Туркестанской республики среди членов Турккомиссии (первоначально в ее состав входили Ш. З. Элиава — председатель, Г. И. Бокий, Ф. И. Голощекин, В. В. Куйбышев — зам. председателя, Я. Э. Рудзук, М. В. Фрунзе), которая являлась фактической властью в крае, стала формулироваться мысль, что задача заключается не в завоевании симпатий эмирской Бухары к Советской России как защитнице малых народов и не в преодолении страха Бухары перед угрозой нового военного вторжения, а в форсировании революционного переворота в эмирате с использованием Красной Армии в качестве ударной силы. Предлагалось повторить колесовский опыт, но после более серьезной подготовки. «Бухару надо разгромить!» — вот лозунг, который все чаще повторялся в связи с изменением политического курса Турккомиссии. «Бухара и Хива — внутренний фронт» — такой стала новая политическая формула<sup>11</sup>.

Что касается слабого в экономическом и военном отношении Хивинского ханства с населением около 900 тыс. человек (из них более 60% — узбеки, до 30% — туркмены), то оно лежало вдалеке от железных дорог

и торговых путей и «не было страшно Советскому Туркестану»<sup>12</sup>. Тем не менее, вмешавшись в вооруженную борьбу за власть между фактическим правителем Хивы Джунаид-ханом и оппозиционными ему туркменскими феодально-племенными вождями, которых условно поддерживала немногочисленная младохивинская, узбекская по национальному составу, партия, части Красной Армии 25 декабря 1919 г. переправились на левый берег Амударьи. «Дабы не дать заглухнуть возникшему движению и направить его в надлежащее русло, необходимо было его поддержать,— констатировалось в оперативной сводке штаба Турквойск по хивинскому направлению.— С этой целью ...наши части пришли в ханство, и в январе месяце с. г. [1920 г.] Джунаид-хан со своими приверженцами был оттеснен в пески»<sup>13</sup>.

В резолюции состоявшегося в октябре 1919 г. IV Чрезвычайного съезда Компартии Туркестана оговаривалось, что, поддерживая движение младохивинцев и младобухарцев, не следует стремиться к насильственному революционному перевороту, а должно «ожидать естественного момента прихода его внутри самого населения Хивы и Бухары». Видимо, «Турккомиссия решила, что этот момент уже настал, и 20 ноября ее уполномоченный Г. Б. Скалов получил мандат на «право решения вопроса о времени оказания поддержки вооруженной силой восставшим племенам Хивы против Хивинского правительства»<sup>14</sup>. В письме Скалову заведующий отделом внешних сношений Турккомиссии признавался, что вынужден заниматься «политическими подлогами»:

«Во всех ваших известиях о славных советских войсках, занявших тот или иной город, мы все эти победы записываем на счет младохивинцев, вытравливая из всех сообщений участие русских войск. Дальше, мы подымаем на ходули живой труп — местный младохивинский комитет, который выступает с воззваниями к правительству Советской республики и к русским рабочим и крестьянам о помощи в борьбе с хивинским самодержавием... Необходимо всеми силами стремиться, как можно скорее, поставить дело так, чтобы инициатива в движении хотя бы формально была в руках местных представителей». В «особом мнении» Бройдо, приложенном к протоколу заседания Турккомиссии от 10 февраля 1920 г., в частности, говорилось: «Я тщательно просматривал все известия из Хивы и вытравливаю все сообщения о наших отрядах в Хиве, заменяя их «хивинскими повстанцами», но этими политическими подлогами никого в Персии, Бухаре и Афганистане не надуешь. Они отлично знают, что происходит в Хиве, и я уверен, что эти события наносят большой удар нашей внешней политике».

Хотя в приказе об оказании помощи трудящимся Хивы подчеркивалось, что «никакие насилия над мирными жителями не должны быть и не будут допущены»<sup>15</sup>, это оказалось лишь благим пожеланием. «Такого ужаса, какой нами здесь сразу обнаружен, нигде не приходилось видеть,— телеграфировал 6 апреля в Ташкент председатель Ревтрибунала Туркфронта И. Р. Фонштейн.— Открытый организованный военный грабеж, во главе коего в качестве активного организатора стоит штаб командующих людей, открыто распределяющий награбленное с оставлением себе львиной доли. Увод женщин, содержание их как пленниц, рабынь, продажа с аукционного торга на базарной площади Петроалександровска и Хивы, разгром хивинских дворцов, расстрел красноармейцами первого встречного как предпосылка ограбления имущества». Когда был отдан приказ с требованием, под страхом расстрела за неподчинение, привести всех пленных-женщин, то за два дня только в Петроалександровске были сданы 63 наложницы, причем в городе в то время было менее сотни красноармейцев.

Скалов не скрывал уверенности, что «в Хиве несомненно фактической властью будет русское представительство». «Временное правительство,— заявлял его первый председатель младохивинец Д. Султанмурадов,— не было до сих пор правительством Хивы, оно было мелким приказчиком на посылках у штаба и любого красноармейца. Все время нас стращали, все время мы были заняты только тем, чтобы достать арбы, клевер, устраивали красноармейцев и т. д.»<sup>16</sup>. В сентябре 1920 г. по ложному обвинению

в попытке организовать контрреволюционный переворот в Хорезмской республике, 80 туркменских вождей, в том числе наиболее авторитетные, возглавлявшие борьбу с Джунаид-ханом, были расстреляны. Это вызвало восстание всех туркменских племен, причем побывавший полгода спустя в Хиве уполномоченный Наркоминдела в Туркестане Д. Ю. Гопнер констатировал «фактическое управление страной нехорезмскими элементами, взявшими курс на немедленную социальную революцию и лишившими избирательного права большую часть сельской и городской буржуазии»<sup>17</sup>. Борьба с отрядами Джунаид-хана продолжалась до начала 30-х годов.

Бухарские власти, обеспокоенные событиями в Хиве, принялись лихорадочно готовиться к отражению возможной агрессии, занялись перевооружением и увеличением численности своей армии. Можно ли было поверить после вторжения в Хиву, что Бухару не ждет та же судьба? «И эмиры, и народы,— возмущался Бройдо,— вправе задать нам ехидный вопрос: «в чем выражается пункт о самоопределении наций РКП?», а английская дипломатия закрепит с помощью этих наших шагов свои позиции, может быть, в последнее время немного колебавшиеся в Бухаре и Афганистане. То обстоятельство, что разбежавшиеся чиновники хана и представители Джунайта находятся сейчас в Бухаре и что одновременно с этим [туда] прибыла английская делегация из Мешхеда, создает положение намечающегося нового центра, направленного против нас». «Наша политика,— вторил полпред Аксельрод,— и насильственное установление Советской власти в Хиве, сопровождаемое грабежами и убийствами, бросает Бухару в объятия Афганистану. Кроме лихорадочной мобилизации и формирования новых частей, в бухарскую армию вливаются как отдельные части афганцы и приглашаются как военные инструктора афганские офицеры»<sup>18</sup>.

Позже Куйбышев и Бокий писали в Москву, что эмирское правительство якобы активно готовилось к агрессии против Советского Туркестана: «Турккомиссия в начале мая [1920 г.] под председательством т. Элиавы и в полном с ним согласии принуждена была констатировать объективную неизбежность разрыва... Дальнейшая тактика вытекала из убеждения Турккомиссии в объективной невозможности установления добрососедских отношений благодаря подогреваемой Англией вражде правительства к России. В результате установления этого положения был вполне естественен вывод: форсирование революционной работы бухарских организаций и военные приготовления с нашей стороны на случай разрыва». Деятели Турккомиссии убеждали Москву, что сложившиеся взаимоотношения с Бухарой, которые они называли «необъявленной войной», не должны рассматриваться как результат агрессивной политики советской стороны: «До мая сего года Турккомиссия даже не ставила вопроса о возможности столкновения с Бухарой»<sup>19</sup>.

Впрочем, в отчете Отдела внешних сношений давалась иная оценка позиции Турккомиссии. Предупреждая, что «точка зрения разгрома Бухары — достояние наших военно-политических и военно-спецских кругов, и она закрепляется», Бройдо писал: «В общем и целом уклон в деле внешних сношений можно формулировать как постепенный переход от принципа «самоопределения народов» к полному неглижированию и даже нарушению его, от невмешательства к военному разгрому, от организации революционных партий сопредельных стран к неглижированию ими как организующей силой..., от уверенности в исторической необходимости возникновения революционных войн за освобождение от ига империализма в колониях к потере всякой надежды на внутренние силы этих стран, ставшей обоснованием вывода о необходимости военного разгрома с помощью нашей армии»<sup>20</sup>.

18 мая 1920 г. наркоминдел РСФСР Г. В. Чичерин предупреждал Ленина: «Спешу указать Вам, ввиду до крайности настойчивого желания тов. Элиавы и других приехавших сюда членов Турккомиссии, завтра же провести решение об упразднении независимости Бухары, на крайнюю серьезность такого шага, который сильнейшим образом повредит всей нашей политике на Востоке. Уже в Хиве мы оказались поставленными перед свершившимся фактом... В Хиве красноармейцы проигрывают в карты

мусульманских женщин. Это называется «провозглашением Советской Республики Хивы». Бухара играет еще более крупную роль в мусульманском мире. Колонизаторская политика с приемами конкистадоров совершенно подорвет нашу роль на Востоке»<sup>21</sup>.

Тем не менее, уже через несколько дней Ленин ознакомился с другой точкой зрения, сформулированной в письме замнаркоминдела Л. М. Карахана: «Бухара не с нами, а против нас. Поэтому, в полном согласии с Турккомиссией, нашим уполномоченным в Ташкенте мы предлагаем ликвидировать эмира и образовать из Бухары демократическую республику, поставив во главе ее младобухарцев (теперь коммунистов). Это может быть проделано в несколько месяцев в порядке внутреннего переворота в Бухаре, поддержано с нашей стороны бухарскими отрядами, составленными из дезертиров бухарской эмирской армии, перебегающих к нам в большом числе, а затем после образования нового правительства мы сможем ввести и наши войска для охраны железной дороги и границ»<sup>22</sup>.

22 мая Политбюро ЦК РКП(б) постановило одобрить предложения Карахана<sup>23</sup>, и дело теперь заключалось лишь в технике осуществления очередной «революции». Свою роль должны были сыграть в ней и младобухарцы, и отколовшаяся от них часть, которая образовала партию бухарских коммунистов, принявших программу РКП(б). Последние, выступавшие за «объявление диктатуры пролетариата»<sup>24</sup> в Бухаре (при фактическом отсутствии рабочих коренных национальностей), никакой популярностью в народе не пользовались: «Партия бухарских коммунистов,— сообщал Аксельрод,— не представляет из себя серьезной организации, так как в Бухаре нет тех слоев, на которые она могла бы опереться. Крестьянство их не понимает и боится». Декханство же представляет собой «темную, безграмотную, фанатичную и фаталистически настроенную массу», которую можно легко поднять «на избиение европейцев, евреев, а иногда и купцов, но на движение больше этого рассчитывать пока невозможно»<sup>25</sup>.

Деятельность революционных организаций в сопредельных с Туркестаном странах, включая Бухару, направлял созданный по решению Турккомиссии Совет интернациональной пропаганды на Востоке (Совинтерпроп). 30 июня Турккомиссия, «считая неизбежным разрыв дипломатических отношений и возможность военного столкновения с Бухарой» и признавая необходимость «продолжать военную подготовку к этому разрыву», предложила Совинтерпропу порвать связи с младобухарцами и отказать им в помощи. Протестуя против этого решения, Исполбюро Совинтерпропа расценивало его как стремление Турккомиссии перенести решение бухарского вопроса «на штыки Красной Армии», уменьшив роль собственно революционных сил, действующих в Бухаре: «Комиссия ЦК так и смотрит, что движение в Бухаре должно быть лишь начальным толчком, а все остальное, приблизительно так 9/10, должна сделать Российская Красная Армия. Исполбюро Интернациональной пропаганды полагает, что надо стремиться к развязыванию широкого и глубокого революционного движения в самой стране и что это возможно. Но для этого должны быть введены в действие все наличные революционные силы, в том числе и младобухарцы, относительно более богатые культурными силами, чем бухарские коммунисты... Мы считаем разрыв с младобухарскими революционерами преждевременным и вредным. После переворота мы очутимся перед страной, которую придется оккупировать одной силой красных штыков, и, имея в массе враждебное нам или инертное население, мы должны будем взять на себя все бремя продовольственного, хозяйственного и финансового снабжения»<sup>26</sup>.

Между тем, подготовка операции по «приобщению Бухары к советскому строю» велась полным ходом: «Термез и Керки,— докладывало командование Туркфронта главкому 12 июля,— уже давно заняты нашими гарнизонами. Ныне, опираясь на предпринятые нами работы по восстановлению железнодорожных бухарских линий..., мы занимаем сильным гарнизоном Карши и, таким образом, вполне обеспечиваем себе исходное положение на случай начатия военных действий»<sup>27</sup>. Для политической

подготовки переворота в Бухаре было создано Военно-революционное бюро (Реввоенбюро), в котором всю практическую работу вела «тройка» — А. А. Машицкий, Н. Т. Тюрякулов, Н. Рогдаев. Последняя поставила вопрос о слиянии бухарских коммунистов и младобухарских революционеров в одну партию на основе признания Программы РКП(б); подготовила утвержденные Реввоенбюро декреты, воззвания и декларации, которые будущий Ревком Бухары должен был опубликовать от своего имени; разослала по эмирату агитаторов и приступила к созданию партизанских отрядов. Но уже 30 июля на экстренном заседании Реввоенбюро было заявлено, что Турккомиссия решила ускорить ход событий, и Реввоенсовет Туркфронта планирует военное выступление не позднее 15—20 августа.

Командование фронта рассчитывало «управиться» с Бухарой в течение суток, захватив в плен эмира и его правительство. В то же время Турккомиссия колебалась, не решив еще, как целесообразнее осуществить операцию: двинуть на Бухару войска Туркфронта неожиданно для эмира или предварительно организовать восстание в эмирате, используя его как предлог для вмешательства Красной Армии. За исключением Машицкого все участники заседания Реввоенбюро высказались за внезапное военное выступление, и при голосовании это предложение было принято единогласно. Например, бывший начальник разведотдела штаба Туркфронта, исполнявший тогда обязанности полпреда, Заремба-Луцевич считал, что «внутреннего восстания в Бухаре едва ли можно ожидать». Подытоживая дебаты, командующий войсками Туркфронта М. В. Фрунзе заявил: «Чтобы создать в Бухаре внутренний революционный подъем, необходимо ожидать не месяцы, а годы. Коммунистической партии там нет и пока не может быть. Конспиративные отряды большой роли играть не могут... Постольку поскольку признано необходимым разделаться с Бухарским правительством, то для этого настоящий момент самый благоприятный»<sup>28</sup>.

На следующий день в Москву была послана телеграмма: «В отношении Бухары мыслимы две линии поведения: 1) надежда на развитие внутреннего революционного процесса в стране и ожидание этого момента; 2) организация революции за счет сил извне... Процесс внутреннего революционного развития совершается крайне медленно и может дать, если вообще только даст, результаты лишь в отдаленном будущем. Стихийное недовольство эмиром в широких народных низах существует несомненно, но организованности никакой, и в связи с общей рабской психологией низов в открытое движение самостоятельно вылиться не может. Если считать необходимым скорейшую ликвидацию эмирата., то остается второй путь, т. е. организация революции путем непосредственного участия наших сил»<sup>29</sup>. Интересно, как это сочеталось со словами наркоминдела РСФСР Чичерина на заседании ВЦИК 17 июня 1920 г.: «Мы не навязываем силою штыков ни нашего господства, ни нашего строя. Мы силою никуда не приносим коммунизма, и наши соседи это знают; они знают, что мы не угрожаем им ни нападением, ни насильственным навязыванием нашего строя»<sup>30</sup>.

В этой же связи нельзя не вспомнить и о так называемой Гилянской революции, явившейся результатом военного похода кораблей Волжско-Каспийской флотилии в иранский порт Энзели. Как указывалось в отчете наркоминдела РСФСР, «красные войска после бегства англо-индийских войск заняли Решт, где 4 июня [1920 г.] было образовано советское правительство под председательством персидского демократа Кучека-хана». Символично, что посланную в Москву приветственную телеграмму последний подписал так: «Председатель Персидской Социалистической Советской Республики, провозглашенной по дороге в Решт, Мирза Кучек». В постановлении Политбюро ЦК РКП(б) от 25 мая 1920 г. говорилось: «Вменить в обязанность т. Раскольникову по оказании необходимой помощи Кучеку-хану имуществом, инструкторами и проч., передать под власть последнего Энзели и другие пункты Персии, находящиеся в наших руках... Оставить в Энзели некоторую часть судов под видом полицейской службы, но под азербайджанским флагом в количестве, необходимом для постоянного

содействия Кучек-хану»<sup>31</sup>. (28 апреля части Красной Армии заняли Баку и была провозглашена Азербайджанская социалистическая советская республика.)

К огорчению большевистского руководства, «попытка ведения коммунистической политики в Гиляни не повела к успешным результатам»<sup>32</sup>. Между Кучеком и азербайджанскими коммунистами шла непрерывная борьба за власть и, поскольку персидские революционеры явно не оправдывали возлагавшихся на них надежд, ЦК РКП(б) дал директиву наркоминделу РСФСР начать переговоры с шахским правительством. Хотя Чичерин еще в июле уверял персидского министра иностранных дел, что Советская Россия не оказывает поддержки Гилянскому правительству и отказывается вмешиваться во внутренние дела Персии, эвакуация советских войск — флота и «азербайджанских военных частей», ставившаяся в зависимость от одновременного ухода оттуда англичан, завершилась лишь год спустя. В конечном же счете распад существовавшего в провинции национального фронта, во многом обусловленный действиями леваков из Иранской компартии, привел к кровавой междоусобной войне среди самих революционеров и, как следствие этого, к падению Гилянской республики.

У большевистского правительства были поистине грандиозные планы: «приобщить к советскому строю» предполагалось не только окраины бывшей Российской империи, провозгласившие после Октябрьской революции государственную независимость, но и страны расшатывавшейся под мощными ударами национально-освободительного движения Британской империи. Кстати, правительство последней в своих дипломатических нотах неоднократно обвиняло советскую сторону в том, что она ведет активную работу по организации революционных сил Центральной Азии «с целью нападения на сферу британских интересов», продолжает посылать русские войска в Иран, угрожает походом на Хорасан, устраивает революцию в Бухаре и пытается заключить с эмиром Афганистана договор, «целью которого явно является возбуждение восстания среди туземных племен на границе Индии»<sup>33</sup>. Советское правительство с благородным гневом неизменно отвергало эти обвинения, хотя председатель Реввоенсовета Республики еще в августе 1919 г. предлагал создать «конный корпус (30 000—40 000 всадников) с расчетом бросить его на Индию», уверяя, что «путь на Париж и Лондон лежит через города Афганистана, Пенджаба и Бенгалии»<sup>34</sup>. А на состоявшемся в сентябре 1920 г. пленуме ЦК РКП(б) рассматривалось предложение «о помощи оружием Индии» и было принято постановление «признать в принципе необходимым дать оружие и золото», поставив выполнение решения под контроль Турккомиссии<sup>35</sup>.

Идея мировой революции еще долго волновала умы туркестанских большевиков. Только благодаря решительному противодействию Чичерина на территории Западного Китая не появились тогда марионеточные Кашгарская и Джунгарская республики, об образовании которых ходатайствовал перед Политбюро ЦК РКП(б) член Турккомиссии Я. Э. Рудзутак. «Советизация этих первобытных стран,— доказывал наркоминдел РСФСР,— невозможна без нашей оккупации, это будет авантюра». «Дайте точные сведения,— телеграфировал Чичерин советскому представителю в Ташкенте 17 июля 1921 г.,— о деятельности агентов Коминтерна в Средней Азии. Не посылают ли они кого-нибудь в Персию, Афганистан и Китай? Не затевают ли авантюру, не могут ли повредить нашей политике, не связываются ли опять с какими-нибудь бандитами в Хорасане?». В октябре 1920 г. наркоминдел писал предсовнаркома РСФСР о том, «какую вредную для наших интересов роль играет поддержка нами так называемых афганских революционеров, которые в действительности совершенно висят в воздухе... Никакой почвы для революции в Афганистане нет, это есть самоутешение некоторых ташкентских товарищей»<sup>36</sup>.

Иначе было настроено командование Туркфронта. «С военной точки зрения, сообщало оно в Москву 31 июля, момент несомненно благоприятен... А в ближайшем будущем обстановка в связи с усиленной работой белогвардейцев в Кульдже, организующих мусульманский повстанческий



центр, и осложнениями в Персии может измениться в худшую сторону. Если персидско-турецкое направление должно стать решающим..., то с Бухарой надо кончать. Оставление ее в тылу всегда будет связываться с раздвоением нашего внимания и ослаблением сил... Во всяком случае, для поддержания Советской Бухары не понадобится более сил, чем приходится тратить ныне»<sup>37</sup>.

Тем временем отношения между РСФСР и Бухарой все более ухудшались. Еще в июне, направляя посольство в Москву, эмир заявлял о «незыблемых узах дружбы между великой Советской Республикой и Бухарским государством», хотя уже тогда вряд ли верил в эти узы, ибо туркестанская пресса, не заботясь о конспирации, была в набат: «Правительство эмира должно быть свергнуто!». Последовавший захват красноармейцами в Новой Бухаре ряда зданий, принадлежащих правительству, вызвал взрыв религиозного возмущения, и 7 июля эмир призвал подданных к «священной войне против неверных» во имя «защиты ислама и шариата». Однако вопреки страстному стремлению Турккомиссии форсировать события Москва медлила. «Ответа о Бухаре до сих пор не имеем,— негодовал Куйбышев в разговоре по прямому проводу с находившимся в Москве Элиавой,— между тем это совершенно необходимо. Каждый час можно ожидать, что будет перехвачена инициатива. Послали Гопнера в Бухару для улаживания. Атмосфера накаляется до последних пределов»<sup>38</sup>.

И все же мирное разрешение конфликта было еще возможно, о чем свидетельствуют результаты переговоров уполномоченного Наркоминдела РСФСР в Туркестане Гопнера с эмиром и его приближенными. «Разговор с эмиром длился около 2-х часов,— сообщал помощник Гопнера Савельев.— Вращался вокруг последних инцидентов, обострившихся взаимоотношений России и Бухары, форсированных вооружений той и другой стороны, экономических претензий обеих сторон и необходимых первоочередных уступок, которые бы знаменовали поворот в сторону мира. Эмиром даны расплывчатые обещания и высказано настоятельное пожелание к ликвидации последних натянутых отношений. Свидание с верхним куш-беги (первым министром.— В. Г.) выявило наличие сильнейшей агитации против России со стороны мулл и особенно студенчества духовных медресе, им лично подтвержденное. Из разговора выяснилось упорство правящих бухарских кругов во враждебной против России позиции и резкое недовольство в связи с сосредоточением на станции Каган крупных воинских сил, а также в связи с агитацией джадидов с территории русских поселений Бухары. Более оптимистически были рассмотрены взаимоотношения и претензии с нижним куш-беги, стоящим во главе военной и антисоветской партии. Разговор происходил в присутствии кази-каляна и раис-ишана (высшие государственные сановники.— В. Г.). Первоначальный прием продемонстрировал крайнюю холодность отношений. Нижний куш-беги особенно напирал на зловредную для спокойствия Бухары работу джадидов, подкрепленную печатной агитацией советских органов.

В результате длительного обсуждения всех пунктов разногласий намечена была программа взаимных уступок, сводящихся к прекращению со стороны Бухары экономической блокады русских поселений, согласию на производство работ по линии Карши — Керки, однако невооруженными красноармейскими частями, причем настоятельно подчеркивалась необходимость отложить постройку до окончания полевых работ... Гопнером было обещано принятие мер к выдворению джадидов с территории русских поселков — Новой Бухары и Чарджуя — при условии полного прекращения агитации против Сов. России и призыва «священной войны» со стороны мулл, афганцев и т. д., возврат бухарскому правительству... таможи, хлопкового завода эмира и новокаганского дворца, устранение полетов аэропланов над Старой Бухарой при условии приступления к демобилизации регулярной бухармии... Сведения, поступающие из Бухары, не сообщают ничего угрожающего».

Но обнадеживающие результаты переговоров с эмиром вовсе не радовали Куйбышева: «Нам кажется по некоторым ноткам ваших сообщений,

что вы многое стали принимать всерьез, формальное принимать за фактическое», — пеняет он Гопнеру<sup>39</sup>. В письме в Совнарком (копии — Реввоенсовету Республики и ЦК РКП(б)) от 16 августа Куйбышев и Бокий доказывали невозможность удовлетворения требований эмирского правительства, ибо заявление о прекращении поддержки бухарским революционерам не сможет удовлетворить эмира и будет лишь кратковременной отсрочкой: «Результат работы Гопнера может свестись лишь к оттяжке на несколько дней, после чего неизбежно наступит прежнее положение, и взятие инициативы нападения в свои руки бухарским правительством станет еще более реальным»<sup>40</sup>. Как тут не вспомнить слова Бройдо: «Бухара не осмелилась выступить против нас даже тогда, когда ашхабадский фронт был у ее границ, когда Туркестан был отрезан, когда были и Колчак, и Дутов, и Юденич, и Деникин. Она тем более не может осмелиться на такой шаг при современном положении. Бухара может выступить только в случае усиленного с нашей стороны провоцирования, да и то очень проблематично»<sup>41</sup>.

В разговоре по прямому проводу с начальником Полевого штаба РВСР П. П. Лебедевым командование Туркфронта убеждало его, что с часу на час ожидает выступления со стороны Бухары и неожиданного ночного нападения на наши части и население. «Военные приготовления производятся самым энергичным темпом. В район Старой Бухары стянуто 15 тысяч регулярных войск и 20 тысяч наукеров (ополчение), муллами ведется бешеная агитация. Ежедневно отмечаются случаи исчезновения европейцев. Позавчера арестованы все русские служащие на ст. Старая Бухара; Новая Бухара уже семь дней держится в голодной блокаде». Предлагая взять инициативу в свои руки, уничтожив главные силы противника в Старой Бухаре, командование фронта просило прислать директиву Реввоенсовета Республики (РВСР), «хотя бы в таком виде: «Реввоенсовет фронта обязан принять все меры, какие он найдет необходимыми, в отношении Бухары для ограждения интересов Республики». В проекте приказа, который РВСР намеревался отдать РВС Туркфронта, предписывалось «ввиду явной угрозы Советскому Туркестану со стороны организуемых и вооружаемых великобританским империализмом контрреволюционных элементов Бухары при поддержке русских белогвардейцев... немедленно принять все необходимые военные меры к тому, чтобы предупредить грозящий удар... Вам надлежит строжайше избегать таких заявлений и действий, которые могут быть истолкованы как насилие над независимостью Бухары. Истолкователями и проводниками всех мер на местах должны быть революционные представители бухарских масс»<sup>42</sup>.

Предложенный Л. Д. Троцким проект не удовлетворил Политбюро ЦК РКП(б), которое, подготовив другую директиву, передало ее 11 августа 1920 г. в Ташкент телеграммой. В ней предписывалось принять меры к защите русского населения и русских государственных учреждений в эмирате и в граничащих с ним районах Туркестана, но «не брать на себя инициативу нападения на бухарскую территорию и на бухарские военные части... Замена подготовительных к обороне мероприятий наступлением по нашей инициативе может произойти лишь при наличии более или менее популярного бухарского революционного центра (хотя бы на нашей территории), призывающего нас к такому наступлению, и не иначе как с согласия новых членов Турккомиссии (Сокольников и Сафарова)»<sup>43</sup>.

Тем не менее, 12 августа командование Туркфронта приказало войскам выдвинуться на исходные позиции и подготовиться к проведению военной операции в связи «с ожидаемым выступлением бухарского народа на путь открытой борьбы со своим эмиром и его правительством»<sup>44</sup>. Турккомиссия была явно разочарована полученной директивой. «Я настолько считаю необходимым спешить с решением, — возмущался Куйбышев, — что предлагаю послать Измайлова (А. М. Измайлов — уполномоченный Турккомиссии. — В. Г.) навстречу Сокольникову, дабы получить телеграфом согласие из Самары или Оренбурга»<sup>45</sup>. «Если бы даже эмир решил отложить задуманное им нападение, — телеграфировали Куйбышев и Бокий

в Москву 16 августа,— то напряженная атмосфера грозит разрядиться самостоятельным выступлением войск, наэлектризованных фанатической агитацией духовенства. При таком положении отсутствие определенной директивы и отложение решения вопроса до приезда Сокольниково создает возможность катастрофы, ибо передача инициативы в руки противника неизбежно затруднит и работу революционных сил Бухары, и операции наших войск»; напротив, «проявление инициативы со стороны революционных сил Бухары, поддержанных нашими войсками, отвлекло бы сразу бухарские войска внутрь бухарской территории и тем избавило бы русские поселения от дикой расправы и сохранило бы целостность железнодорожной и телеграфной линии»<sup>46</sup>. Постановлением от 19 августа Политбюро оставило в силе прежнюю директиву<sup>47</sup>.

23 августа в Ташкент прибыли новые члены Турккомиссии — Г. Я. Сокольников, назначенный также командующим войсками Туркфронта и председателем Туркбюро ЦК РКП(б), Г. И. Сафаров и Я. Х. Петерс,— которые быстро пришли к убеждению, «что никакие уступки не могут в конечном итоге изменить определенно враждебное отношение к нам со стороны Бухары»<sup>48</sup>. На заседании Турккомиссии 25 августа был создан Партийный центр по руководству революционным переворотом в эмирате в составе Куйбышева и руководителей бухарских коммунистов и младобухарцев Н. Хусаинова и Ф. Ходжаева. Для политического руководства операцией в Каган командировался Сафаров. (Позже Петерс с жаром убеждал Ленина, что за безобразия, совершенные в Бухаре Красной Армией, никак нельзя винить новых членов Турккомиссии: «Правда, мы по дороге из Москвы получили телеграмму Цека, чтобы решение бухарского вопроса отложить до нашего приезда в Ташкент, но когда мы приехали, отступление от намеченного плана уже было невозможно. Было ли это спровоцировано, было ли это вообще правильно, об этом Цека может назначить следствие, но, по моему мнению, как и по мнению всего Туркбюро, из положения, какое мы нашли после своего приезда, другого выхода не было»<sup>49</sup>.)

Операция началась 28 августа 1920 года. При штурме крепости Старая Бухара потери со стороны наступавших на третьи сутки непрерывного боя составили до 600 человек убитыми и ранеными, а настроение красноармейцев было «близко к паническому»: «пришлось использовать артиллерию» (по данным Сокольникова, было выпущено 12 тыс. снарядов) и 11 самолетов, «разрушив до 1/5 города»<sup>50</sup>. «Мы бомбили Бухару,— с гордостью вспоминал один из участвовавших в операции летчиков.— Мы разрушали древний эмират. Особое ликование у нас вызвали попадания бомб в знаменитую «Башню смерти», хотя попадания эти для нас были в сущности совершенно бесполезны. В коротких промежутках между полетами шутили: — Держу я бомбу, вижу внизу мечеть. Я и бабахнул прямо в кумпол,— хвалится один летнаб. Хохотали»<sup>51</sup>.

«Центр города уничтожен, сожжен Регистан,— сообщил Ленину побывавший в начале сентября в Бухаре член «тройки» Реввоенбюро Машицкий, фактически отстраненный от дел.— На третий день после обстрела Бухарское правительство послало парламентаря, который задержан как заложник. Обстрел продолжался... После сдачи Бухары начались поджоги и невероятные грабежи и мародерство. Все богатства, содержащиеся в подвалах и кладовых Регистана, разграблены, громадные нескораемые шкафы разбиты, разломаны... В грабеже принимала участие Красармия, и два эшелона с грузом имуществом отправлены в Ташкент, тридцать девять сабель, усыпанные драгоценными камнями, некоторые из них имеют тридцать пять бриллиантов, оказались в Ташкенте»<sup>52</sup>.

В декабре 1920 г. в тезисах к адресованному в Москву докладу Совинтерпропа «Борьба за революцию в Бухаре» Машицкий писал: «11. Революция, оказавшись неподготовленной, превратилась в форменное выступление Красной Армии, ничем не прикрытое, нарушившее все представления о праве бухарского народа на самоопределение, и Бухара фактически оказалась оккупированной страной. 12. По Бухаре было выпущено

несколько миллионов пуль и несколько тысяч пушечных снарядов, из которых было немалое количество и химических. Сила артиллерийского и пехотного огня была настолько велика, что возможность перехода бухарских солдат на сторону революции сама по себе отпала. Бухара в центре и в местностях, прилегающих к вокзалу, оказалась совершенно разрушенной. Уничтожены исторические памятники. Повреждены мечети, а некоторые из оставшихся в целости (2,3 из них) были превращены в казармы и конюшни. 13. Начатые пожары и грабежи оказали самое вредное влияние не только на настроение народных масс, но и на Бухком (самых преданных делу революции товарищей), которые возмущались и открыто говорили, что Бухару «грабят большевики». Кроме открытых грабежей, которые практиковались благодаря попустительству неудержимой вакханалии, охватившей почти всех, быстро установился порядок, на основании которого в память о «революции» в Бухаре раздаривались драгоценные предметы, часто имеющие историческое значение, и дело с этим дошло до того, что каждый, оказавшись в Бухаре, считал зазорным не увезти что-нибудь «на память». Цинизм с этим достиг такой степени наглости и скандала, что по поводу отправленных сундуков (более сотни) с ценными вещами было получено из Самарканда уведомление, гласившее, что за целостность содержимого сундуков ручаться нельзя, так как «печати на них оказались распущенными вследствие страшной жары, а веревки перегнившими».

«Празднично-революционная картина жизни Старой Бухары,— докладывал в октябре 1920 г. в Туркбюро инструктор поезда «Красный Восток»,— сильно омрачается многочисленными развалинами разрушенных и сгоревших домов... Вызывают сильное возмущение грандиозные грабежи, которыми сопровождалось занятие города революционными войсками. Говорят о разграблении богатейших эмирских сокровищниц, наполненных драгоценностями величайшей стоимости. Люди буквально ходили по золоту и серебру. Исчезли вещи глубочайшей древности. В грабежах принимали участие не только красноармейцы, но и местные жители»<sup>53</sup>.

Существовала точка зрения, что «штурм города был излишен и что предложенные эмиром переговоры, если бы они были приняты нашим командованием, неизбежно кончились бы капитуляцией. Тогда город был бы спасен от разрушения, не было бы грабежей и эмир оказался бы в руках революционеров»; при этом подчеркивалось, что население города выступало за капитуляцию, и к эмиру была послана делегация с требованием сдаться без боя. При виде советских аэропланов люди взбирались на крыши домов, держа в одной руке красный, а в другой — белый флаги. «Несколько дней тому назад,— сообщал Петерс Ленину,— мною арестован бывший командующий Бухарской группой, у которого нашли целый мешок со слитками золота, золотыми вещами, деньги, серебро и т. д. Это дело также будет направлено в ВЧК. По моему мнению, о походе на Бухару должна быть назначена следственная комиссия и привлечены к ответственности те, которые не приняли меры к устранению всех этих безобразий»<sup>54</sup>. Кстати, на совместном заседании Туркбюро ЦК РКП(б), Исполбюро ЦК КП Туркестана и Совнаркома республики 25 сентября обсуждался вопрос об обыске в поезде комвойсками Туркфронта по телеграмме Петерса. «Вопрос,— значит в протоколе,— после разъяснений тов. Сокольников, посланного телеграмму в Москву, считать исчерпанным»<sup>55</sup>.

Как объяснял Сафаров, зачинщиком грабежей в Старой Бухаре был 3-й мусульманский полк, первым ворвавшийся в эмирский дворец: «Приходилось из командиров и комиссаров устраивать разъезды, чтобы разгонять нагайками мародеров. 39 сабель были пожалованы для раздачи командирам частей самим ревкомом. Эшелоны же с ценностями при строгом учете их были сформированы мною и Фрунзе, чтобы спасти их от грабежа, и по решению Бухревкома отправлены на хранение в Нарбанк. Нужно сказать, что части здесь вообще очень мародерские... Вся эта солдатская анархия была результатом чудовищной слабости местных революционеров. Сколько ни пытался я собирать из них отряды, охрану и т. п., всякий раз [они] оказывались еще более худшими грабителями, чем наши»<sup>56</sup>. В связи

с вопросами предсовнаркома РСФСР Сокольников обратился к Куйбышеву, назначенному новым полпредом в Бухаре, с просьбой выяснить, что в телеграмме Машицкого правда, а что — нет? Куйбышев отвечал: «Если ограничиться фактической стороной..., то пришлось бы признать все сообщенные факты, имевшие место»<sup>57</sup>. Грабежи в Бухаре длились, по-видимому, до середины сентября<sup>58</sup>.

6 октября Сокольников сообщал в Совнарком РСФСР: «В Ташкент, согласно постановлению Бухревкома и БухЦеКа... отправлена была часть казны эмира, которая в абсолютно безупречных условиях хранится в Нарбанке в Ташкенте. Часть бухкоммунистов задним числом повела агитацию против вывоза ценностей... Считаю, что оставлять ценности в Бухаре небезопасно (не только вследствие возможных попыток возвращения эмира, в руках которого еще треть бухарской территории — недоступный горный район, фактически бывший независимым от эмира, но также и вследствие опасности расхищений)»<sup>59</sup>. Но и Ташкент покажется вскоре тоже недостаточно надежным местом для хранения бухарских богатств. В шифротелеграмме от 24 сентября 1921 г. в ЦК РКП(б) на имя И. В. Сталина новый председатель Турккомиссии М. П. Томский заявит: «Повторяю: ставлю вопрос о переводе в Москву бухарского серебра и других ценностей. Охрана хранилищ весьма слаба, при местных условиях [ее] крайне затруднительно осуществить»<sup>60</sup>. «Дал ряд категорических приказов для прекращения безобразий,— писал Сокольников Ленину.— ...Вы спрашиваете «каковы итоги»? Итоги те, что с гор. Бухарой обошлись, как, к несчастью, обходятся со всяким «освобождаемым» городом наши части, когда они «вырываются из рук». Не лучше было и в Персии. А Ростов? А Харьков? Будем политически залечивать, елико возможно»<sup>61</sup>.

8 октября 1920 г. I Всебухарский курултай народных представителей провозгласил создание Бухарской Народной Советской Республики, а 26 декабря в Бухару приехал Сафаров, выступивший в тот же день на заседании актива республики. Как сообщали в Наркоминдел РСФСР председатель Всебухарского ревкома А. К. Мухитдинов и председатель Совета назиров (народных комиссаров.— В. Г.) Ф. У. Ходжаев, Сафаров обвинил их в том, что ничего не делается для ликвидации остатков эмирских войск, причем допустил такие выражения, как «кучка советских разбойников» и «бухарская революция есть революция беспаспортная», угрожал присутствующим: «Мы вас всех расстреляем!», и в заключение обозвал их «сволочью». Естественно, что подобное «барско-диктаторское обращение с высшими учреждениями Бухарской республики» было воспринято ее руководителями как тяжкое оскорбление, дающее «возможность усилению гнусной агитации агентов контрреволюции, считающих Бухару завоеванной русскими», а ее правительство — «марионеткой в руках представителей Советской России».

Выражая категорический протест против поведения Сафарова и считая невозможным продолжение совместной с ним работы, бухарское руководство просило Наркоминдел РСФСР немедленно дать ответ по радио на свое заявление, утверждая, что в противном случае «не считает возможным для себя оставаться далее у власти». Характерно, что в упомянутой ноте правительство Бухары, искренне не желавшее выглядеть марионеткой в руках большевиков, но уже самой логикой событий в нее превращенное, доказывало, что неуспех военной экспедиции, посланной в Восточную Бухару, не является виной революционной власти, так как руководство операциями изъято из ее ведения. «К тому же,— подчеркивалось в ноте,— поведение красноармейцев с командным составом в Восточной Бухаре, выразившееся в оскорблении религиозного чувства мусульман (сжигание мечетей, употребление листов Корана для естественных надобностей, попираание семейных традиций мусульман) является серьезным препятствием к ликвидации фронта»<sup>62</sup>.

Хотя к апрелю 1921 г. войска эмира потерпели поражение, а сам он бежал в Афганистан, кровь в Бухаре литься не перестала. «Восстание жителей, — докладывал 25 июня бывший военком 1-й Туркестанской кавдивизии Снасский,— началось в первых числах мая и охватило Гармский,

Бульджанский, Файзабадский, Кулябский и Кара-Тегинский районы. Причин, послуживших поводом к восстанию, много, но более яркими выделяются следующие: бессистемный сбор припасов с населения, неуплата деньгами за взятое, а расписками, и неумелое проведение мобилизации милиции. Восставшие примкнули к появившимся из Ферганы басмачам, которые ими и руководят». Обращаясь к члену Реввоенсовета Туркфронта П. И. Баранову, военком писал о сложности проведения какой-либо просветительской работы среди «оборванной, грязной, голодной красноармейской массы, усталой и издерганной, прошедшей при невероятно тяжелых условиях всю Восточную Бухару. Благодаря таким условиям боевые полки превратились в партизан или хуже — бандитов... После двухдневного боя в Кулябе красноармейцы бросились грабить город, расстреливая оставшихся жителей, причем до 50 женщин изнасилованы и 140 женщин прибежали спасаться в крепость. Попытки комиссаров предотвратить это зло не дают результатов»<sup>63</sup>.

«Положение сейчас в Восточной Бухаре крайне плачевно, теоретически мы здесь закрепляли Советскую власть, а практически рубим бедноту тысячами,— дополнял Спасского сменивший его на посту военкомдива Н. И. Винокуров.— ...Ревкомы частенько переходят к восставшим, население запугано провокацией, которая основана на наших действиях. Говорят: «Видите, русские, которые убивают вас из пулеметов. Это только предвещенье Советской власти. Вот теперь знаете, что будет с вами, если придет самая настоящая Советская власть»... Я теперь совершенно не представляю, какие нужны колоссальные труды для того, чтобы примирить с нами население. Восстание охватывает целые районы, правда, оно через неделю будет подавлено, но гарантий невозможности нового выступления нет. Получены сведения о насилиях красноармейцев над женщинами и самовольных обысках. Командиры и комиссары не особенно препятствовали этому»<sup>64</sup>.

Выступая в сентябре 1920 г. на IX Всероссийской партконференции, Ленин, упомянув об обстоятельствах, при которых было принято решение ЦК РКП(б) «помочь советизации Польши», в частности, говорил: «Перед нами встала новая задача. Оборонительный период войны со всемирным империализмом кончился, и мы можем и должны использовать военное положение для начала войны наступательной»<sup>65</sup>. «Красная интервенция», всемерное развязывание мировой революции и распространение социализма на штыках Красной Армии — таков был политический рецепт большевистского экстремизма, кульминация которого пришлась именно на 1920—1921 годы. Принесла ли счастье народам древней Бухары экспортированная тогда революция? Не она ли отзывается искаженным эхом с конца 80-х годов?

### Примечания

1. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), ф. 2, оп. 1, д. 14345 л, 13.
2. Там же, д. 14785, л. 4.
3. ИШАНОВ А. И. Бухарская Народная Советская Республика. Ташкент. 1969, с. 21.
4. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 14785, л. 1.
5. САФАРОВ Г. И. Колониальная революция (опыт Туркестана). М. 1921, с. 80; ФОТЕЕВ И. Возникновение басмачества. В кн.: Три года: 1918 — февраль 1921. Ташкент. 1921, с. 18.
6. ХОДЖАЕВ Ф. Избранные труды. В 3-х тт. Т. 1. Ташкент, 1970, с. 139.
7. САФАРОВ Г. И. Ук. соч., с. 83.
8. Война в песках. Л. 1935, с. 250.
9. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 14785, л. 3.
10. Там же, д. 14345, л. 8.
11. Там же, л. 12.
12. ХОДЖАЕВ Ф. Ук. соч., с. 155.
13. Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Док. и м-лы. Т. 2. Алма-Ата. 1964, с. 503.

14. ЩЕРБАКОВ Н. М. Таким было начало... Ташкент. 1964, с. 36.
15. Иностранная военная интервенция, с. 495.
16. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 14345, л. 17.
17. Годовой отчет НКВД к IX съезду Советов (1920—1921). М. 1921, с. 140, 142.
18. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 14345, л. 31; д. 14785, л. 2.
19. Там же, ф. 79, оп. 1, д. 161, л. 2.
20. Там же, ф. 2, оп. 1, д. 14345, лл. 13, 29.
21. Там же, ф. 5, оп. 1, д. 2054.
22. Цит. по: ИШАНОВ А. И. Ук. соч., с. 164—165.
23. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, л. 81.
24. Иностранная военная интервенция, с. 520.
25. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 14785, л. 6.
26. Там же, ф. 17, оп. 2, д. 661, лл. 82, 25—26.
27. Иностранная военная интервенция, с. 508.
28. РЦХИДНИ, ф. 544, оп. 1, д. 5, лл. 5—6.
29. Иностранная военная интервенция, с. 513.
30. ХЕЙФЕЦ А. Н. Советская Россия и сопредельные страны Востока (1918—1920). М. 1964, с. 242.
31. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 83, л. 1.
32. Годовой отчет НКВД к IX съезду Советов, с. 72.
33. Документы внешней политики СССР. Т. 3. М. 1959, с. 318.
34. ВОЛКОГОНОВ Д. Троцкий. Политический портрет. В 2-х кн. Кн. 1. М., 1992, с. 10—11.
35. Известия ЦК КПСС, 1991, № 3, с. 164.
36. РЦХИДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 2116, лл. 11, 17; д. 2059, л. 5.
37. Там же, ф. 2, оп. 1, д. 14884, л. 1.
39. Там же, ф. 122, оп. 1, д. 44, лл. 204—221.
40. Там же, ф. 79, оп. 1, д. 161, л. 4.
41. Там же, ф. 2, оп. 1, д. 14345, л. 13.
42. Там же, д. 24441, лл. 1—3.
43. Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922 гг.). Т. 3. М. 1974, с. 543.
44. Там же, с. 544.
45. РЦХИДНИ, ф. 122, оп. 1, д. 44, л. 220.
46. Там же, ф. 79, оп. 1, д. 161, л. 4.
47. Там же, ф. 17, оп. 3, д. 103, л. 1.
48. Директивы командования фронтов Красной Армии. Т. 3, с. 553.
49. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 1273, л. 2.
50. Там же, д. 16000, лл. 2, 4.
51. Война в песках, с. 303.
52. РЦХИДНИ, ф. 79, оп. 1, д. 169, л. 3; ф. 5, оп. 1, л. 2131, л. 3.
53. Там же, ф. 17, оп. 12, д. 661, лл. 9—10.
54. Там же, ф. 2, оп. 1, д. 1273, л. 2.
55. Там же, ф. 61, оп. 1, д. 10, л. 8.
56. Там же, ф. 2, оп. 1, д. 16000, л. 4.
57. Там же, ф. 79, оп. 1, д. 169, л. 5.
58. Там же, д. 167, лл. 1—3.
59. Там же, ф. 2, оп. 1, д. 16000, лл. 2—3.
60. Там же, ф. 5, оп. 1, д. 2922, л. 32.
61. Там же, ф. 2, оп. 1, д. 16000, л. 3.
62. Там же, ф. 79, оп. 1, д. 196, л. 1.
63. Там же, ф. 122, оп. 1, д. 250, лл. 30—31.
64. Там же, л. 29.
65. Исторический архив, 1992, № 1, с. 16.